

Топонимический мотив в составе полевого интервью (к проблеме текста и контекста)

Абрамова Александра Артемовна

Студентка Московского Государственного Университета им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

С конца прошлого столетия в фольклористике всё большее внимание уделяется не только тексту как таковому, но и контексту его исполнения. Под контекстом может пониматься как внеязыковая ситуация (например, произнесение текста в рамках обряда), так и языковая – то есть, речевой контекст. Проблема разделения на жанры интервью с информантом напрямую проистекает из единства речевого контекста и текста внутри него [Дианова: 68]. В случае с историческими преданиями эта проблема получает также и дополнительные осложнения, причиной которых является зыбкость границ между жанрами сказочной прозы [Штырков: 11].

Так, одним из камней преткновения является топонимический мотив или же топонимическое предание. Н. А. Криничная считает, что топонимическое предание – это ошибочный научный конструкт, и существует лишь топонимический мотив, комбинирующийся с другими мотивами в рамках предания [Криничная: 70]. При этом она не относит к топонимическим мотивам краткие свидетельства-мотивировки топонимов, считая их только возможно основой будущих преданий [Криничная: 77]. С другой стороны, этнолингвист Е. Л. Березович считает любую прозвучавшую из уст информанта мотивировку топонима объектом изучения – то есть топонимическим преданием [Березович: 232], что, правда, обусловлено самим характером этнолингвистических исследований.

Эта неопределённость жанровой характеристики отражается и в полевых расшифровках. При членении интервью на номера для маркирования сказочной исторической прозы традиционно используются обозначения «историческое предание», «рассказ о прошлом», «сведения о...»; иногда «легенда». Встречается также жанр «(топонимическое) предание», который выделяется нерегулярно и непоследовательно; несколько раз зафиксированы «народная этимология», «топонимика». Уже по множеству названий мы можем предположить, что функционально и тематически проблематично выделить отдельный жанр топонимического предания.

Обыкновенно в архивных тетрадях мы встречаем топонимическое предание под индивидуальным номером в том случае, если топонимический мотив появляется в ответе информанта на вопрос собирателя «Почему некое место так называется?». При этом отдельным текстом будет записана даже краткая мотивировка с эксплицированной неуверенностью информанта в её правдивости. С другой стороны, если мотив проскальзывает в нарративе в рамках более крупного текстового образования, обычно его не маркируют отдельным жанром. Такое может случиться даже с достаточно развёрнутым преданием.

В целом есть несколько типов встречающихся в интервью контекстов топонимического мотива. Мы использовали детальные расшифровки, в которых отражены все вопросы собирателя, без купюр в пользу монолитности текста информанта.

В первую очередь, наиболее частый контекст – это ситуация диалога, когда информант лишь предлагает свою мотивировку топонима в ответ на вопрос собирателя. Примечательно, что даже в таких кратких ответах, встречается мотив основания поселения, который является нарративообразующим чаще, чем топонимический.

Нередко в преданиях с топонимическим преданием встречаются маркеры этносов, чужести. С одной стороны, это обусловлено самой территорией, материалы которой мы взяли – для Кировской области характерно соседское сосуществование

нескольких этносов (марийцы, татары, русские и др.). С другой стороны, мотивировка непонятого топонима через субстратный или просто иной язык достаточно популярна вне зависимости от области.

Согласно С. А. Штыркову, историческая проза привязана в сознании информанта к локальной территории. Это особенно очевидно в ситуации, когда информант переходит от топонимического мотива к другим сюжетам по территориальному признаку, то есть перемещается соотнositельно с реальным пространством. В подобном случае соседними сюжетами могут стать сюжеты о кладях, о местных святынях, могут возникнуть былички и бывальщины.

Другим основанием присоединения мотива могут стать действующие лица или упомянутые в тексте персонажи. Появиться может как другой сюжет с тем же персонажем, так и сюжет с другим персонажем, также проживавшим на этой территории. Особенно яркий случай – песня о барине, по которому назвали починок, спетая сразу после произнесения мотивировки топонима.

Итак, мы видим, что топонимический мотив в непрерывном монологе информанта может контаминироваться с текстами достаточно разных жанровых форматов; при этом якорем для них может стать предмет или место из реального мира, персонаж нарратива и другое. В связи с этим сложно на данном этапе сказать, стоит ли отделять текст такого предания от окружающего контекста лишь на основании наличия топонимического мотива.

Литература:

Березович Е. Л. К изучению механизмов порождения фольклорного текста (на материале топонимических преданий). // Первый всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов. Том III. М., 2006. С. 226-233.

Дианова Т. Б. Гипертекстовые единства в живой фольклорной традиции. // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2002. С. 68-74.

Криничная Н. А. Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987.

Штырков С. А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб., 2012.